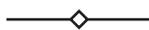

В Республике Беларусь система социальной и медицинской реабилитации еще не достигла уровня передовых стран. Хотя следует отметить, что сотрудники ряда медицинских учреждений, например, специалисты по физиотерапии медицинского центра «Нордин» в своей деятельности активно используют инновации и передовые технологии в области реабилитации пациентов. [1, с. 278] Тем не менее для развития данной сферы необходимо не просто перенимать позитивный зарубежный опыт, но и направлять значительные усилия государства и частного бизнеса на создание успешных программ социальной и медицинской реабилитации с конкретными источниками финансирования.

Литература:

1. Zaitsev, D. M. Social and medical rehabilitation of the elderly / D. M. Zaitsev, A. E. Tsvetkova // Современные средства связи: материалы XXVII Междунар. науч.-техн. конф., 27–28 окт. 2022 года, Минск, Респ. Беларусь; редкол.: А. О. Зеневич [и др.]. — Минск: БГАС, 2022. — С. 278–280.

О. Г. Казак, канд. ист. наук
e-mail: olegkazak90@tut.by
БГЭУ (г. Минск)

Интерпретация прошлого как инструмент формирования альтернативных идентичностей: русинское и западнополесское этнополитические движения в СССР

В период перестройки заявляют о себе многочисленные этнополитические движения. Активисты западнополесского движения утверждали, что жители западных районов Брестской области БССР являются самостоятельным народом — западными полешуками (ятвягами). Деятели русинского движения подчеркивали этнокультурную самобытность русинов — жителей южных склонов Карпат (Закарпатская область УССР). Для обоснования своих доводов сторонники указанных идей прибегали к оригинальным трактовкам исторических сюжетов.

Чтобы продемонстрировать «древность» истории конструируемого сообщества, активисты движений утверждали, что русины первоначально именовались хорватами, а западные полешуки — ятвягами. Деятели русинского движения считали, что территории проживания племени хорватов никогда не входили в состав Киевской Руси. Данный довод, призванный обосновать правомочность предоставления Закарпатья автономного статуса, был представлен в меморандуме Общества карпатских русинов (ОКР) «Кто мы, подкарпатские русины, и чего добиваемся» (1990 г.) [1, л. 11]. Активисты западнополесского движения утверждали, что полешуки являются прямыми потомками балтского племени ятвягов, якобы имевшем свою государственность в 934–1319 гг. [2, с. 5]. Данный тезис должен был подчеркнуть значительную культурную дистанцию между жителями западных районов Брестской области и других регионов Беларуси. Исторический нарратив лидеров Общественно-культурного объединения (ОКО) «Полісье» был уязвимым для научной критики. В июле 1990 г. Академия наук БССР подготовила заключение, в котором подчеркивалась безосновательность отнесения полесских диалектов, безусловно славянских по своей природе, к балтским языкам [3, л. 238].

Для обоснования своих претензий активисты русинского и западнополесского движений обращались и к событиям не столь далекого прошлого. В декларации ОКР «О возвращении Закарпатской области статуса автономной республики» (1990 г.) квазигосударственное образование «Закарпатская Украина», созданное венным руководством СССР после освобождения региона осенью 1944 г., тенденциозно трактовалось как полностью независимая республика, а процесс ее включения в состав Советской Украины в 1945 г. — как аннексия [4, л. 5–6]. Активисты западнополесского движения ошибочно указывали на элементы государственной субъектности Полесского воеводства межвоенной Польши. Данный довод, в частности, содержался в письме ОКО «Полісье», направленном председателю Верховного Совета БССР Н. И. Дементю и Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета (1991 г.) [5, л. 133 об. — 134].

Следует отметить, что идеи, пропагандируемые активистами обоих этнополитических движений, являлись крайне маргинальными.

Литература:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 9654. Оп. 6. Д. 332. Л. 9–13.

2. Етвызь // Балесы Полісься. — 1989. — № 1. — С. 5.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 7. Оп. 10. Д. 2286. Л. 236–239.
4. ГАРФ. — Ф. 9654. Оп. 6. Д. 332. Л. 3–6.
5. НАРБ. — Ф. 968. Оп. 1. Д. 4090. Л. 133 — 134 об.

Н. М. Кожич, канд. филос. наук, доцент
e-mail: natalia_minsk2015@mail.ru
ИСЗ им. А. М. Широкова (г. Минск)

Роль христианства в жизни современного общества

Проблема взаимодействия христианства и современной культуры в настоящее время приобретает особую важность для осмысления задач и дальнейших перспектив развития общества. Несмотря на то, что современная религиозность, как правило, носит поверхностный характер, что выражается в нежелании большинства людей регулярно посещать богослужения и совершать обряды, полного упадка веры не произошло. Религия часто рассматривается в качестве символа культурной традиции, аксиологической системы, которая обусловила становление социокультурного пространства европейской цивилизации. Современное христианство представлено несколькими направлениями, которые имеют небольшие догматические расхождения. В частности, православие отличается мистической созерцательностью, пассивным отношением к миру; католицизм характеризуется стремлением к рациональности в философии. Самое молодое направление — протестантизм — формировалось в условиях становления буржуазных отношений, поэтому под его влиянием сложились новые ценности, которые стали первостепенными для современного общества. Это установка на успешность, процветание, стремление к богатству, а также прагматизм, педантичность, внимание к частной жизни и др. В течение всего XX в. в христианстве происходили процессы модернизации и обновления культа. Наиболее гибким в этом отношении стал протестантизм. Именно его вероучительный комплекс постоянно подвергается изменениям в соответствии с потребностями общества. Как правило, все христианские идеологи отмечают необходимость тесного взаимодействия религии с обществом, а также утверждают, что современная культура успешно может развиваться, имея в своей основе религиозные ценности. Тем не менее в XX в. христианство, сохраняя во многом консервативные взгляды, постепенно признавало демократические идеи, например, такие, как свобода совести, справедливость, права отдельной личности и т. д. И теперь всячески подчеркивается значимость межконфессионального и межрелигиозного диалога, что приобретает особую важность в условиях экономической интеграции стран. Все христианские направления разработали социальные доктрины, которые имеют много общего и, в сущности, представляют собой теоретические основы социального служения. Важной особенностью социальных процессов в последнее время стало то, что «...идеологический потенциал христианства снова оказался востребован в современной публичной политике» [1, с.48]. Все чаще политические деятели рассматривают религию в качестве средства влияния на граждан. В некоторых странах между церковью и государством устанавливается взаимодействие в различных сферах общественной жизни. Например, в Беларуси соглашение о сотрудничестве с православной церковью в области образования, патриотического воспитания, охраны архитектурных памятников и т. д. было подписано еще в 2003 г. В странах Западной и Восточной Европы также наблюдается рост христианских организаций, которые занимаются социальной и благотворительной деятельностью, но при этом они не имеют прямой связи с официальной церковью. Таким образом, очевидно, что в современном обществе происходит актуализация религиозных ценностей. Это во многом обусловлено процессами глобализации и миграции населения, поэтому «...христианская самоидентификация остается важным вектором национального самоопределения европейцев...» [1, с. 51]. В этой связи можно сделать вывод о том, что значимость христианства и его традиций для дальнейшего развития и обновления общества начинает возрастать.

Литература:

1. Лункин, Р. Н. Общественно-политическая роль религии в Европе: запрос на христианскую идентичность / Р. Н. Лункин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2018. — Т.11. — № 4. — С. 46–64.